

АНДРЕЙ ЦАПЛИЕНКО

Р.О.В. ЛЮДИ ВОЙНЫ

CF FOLIO

Андрей Юрьевич Цаплиенко

Р.О.В. Люди войны

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4402385
Фолио; Харьков; 2011*

Аннотация

Наверное, мало осталось на карте мест, где бы не побывал автор этой книги. И как правило, места эти отнюдь не спокойны. «POW» – это, можно сказать, классическая аббревиатура, которую часто используют в англоязычных сводках о потерях в зонах боевых действий и которая расшифровывается как «Prisoners of War» – военнопленные. У автора же свое обозначение понятия «POW»: «People of War» – люди войны. Эта книга о тех, для кого понятие «война» равнозначно понятию «жизнь» – о журналистах, ведущих репортажи из самых горячих точек планеты; о бойцах Иностранного легиона; о детях, разбирающихся в видах оружия лучше, чем в учебниках и игрушках; о бывших воинах Советской армии, которые добровольно перешли на сторону моджахедов, живут в Афганистане и не имеют желания вернуться на родину... Словом, она о тех, кто все время живет на войне.

Содержание

POW	4
БУАКЕ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Цаплиенко

P.O.W. Люди войны

POW

«POW» – это классическая, можно сказать, аббревиатура, которую часто используют в англоязычных сводках о потерях в зонах боевых действий. Расшифровывается она так: «Prisoners of War», военнопленные. Сокращение «POW» можно встретить и в официальных отчетах воюющих сторон, и в текстах репортажей ведущих масс-медиа, и даже в призывах тех или иных антивоенных организаций, которые требуют побыстрее закончить бойню. Мы давно научились говорить на языке символов и сокращений, не тратя время на расшифровку стандартных формул. Но для меня смысл именно этой формулы куда глубже ее статистического значения. «Prisoners of War» – это не просто военнопленные. Это плененные войной. Это те, кто, однажды попав в круговорот обстоятельств, уже не может вырваться на свободу. И, даже формально оставаясь свободными, эти люди несвободны внутри. Потому что однажды вкусили наркотик, от которого не избавиться никогда. Даже не знаю, как его назвать, но тех, кто на него крепко подсел, я могу сразу же определить. Так, кажется, бывшие алкоголики чувствуют друг дру-

га. С некоторых пор я расшифровываю это грозное сокращение «POW» вот так: «People of War» – люди войны. Какое, однако, огромное количество людей подпадает под это определение! Какие невероятные коллизии они пережили! И те, кто носит военную форму, – лишь небольшая часть того огромного сообщества, которое можно назвать людьми войны. Их истории пересекаются друг с другом в пространстве и времени. Но самое непостижимое – иногда истории тех, кто пережил локальные войны современности, внезапно открывают раны прошлого. Исторического прошлого. Не имеющего к тебе прямого отношения. Однажды после мимолетного разговора я увидел во сне, как сражались воины клана Тайра за право владеть Страной восходящего солнца, но то, что на самом деле чувствовали они, я смог понять только некоторое время спустя, после рейда по иракскому городу Кут, вместе с американскими морпехами. А после беседы с бригадным генералом в Израиле я стал иначе смотреть на Богдана Хмельницкого – оказалось, реальный Богдан имеет мало общего с памятником в центре Киева. Но, впрочем, эта книга не о монументах. В ней много о тех, кого я знаю, порой очень близко.

В ней факты перемешаны с чувствами, география с кровью, а глобальная трагичность происходящего – с черным юмором приключений, которые заканчиваются хорошо. Ведь это так и есть. Мы смеемся над опасными приключениями со счастливой развязкой.

В ней много тайн или, во всяком случае, вопросов, на которые я до сих пор не смог найти ответ. Например – ради чего девятнадцатого ноября две тысячи первого года расстреляли группу из четырех журналистов в Афганистане? Кто сделал это? А ведь эта группа ехала в Кабул в тот же самый день и той же самой дорогой, что и наша. Но мы, слава Богу, выжили. Впрочем, иногда мне кажется, я знаю, кто сделал это.

Иногда война определяет сущность человека, иногда человек влияет на ход войны. История перспективного австрийского студента-медика Ариберта Хайма обернулась после Второй мировой войны поисками самого разыскиваемого нацистского преступника. Мы тоже подключились к этим поискам вместе с «охотниками за нацистами», но нашли для себя совсем не то, что ожидали найти. А ведь если бы не война, то гинеколог Хайм лечил бы своих пациенток где-нибудь в провинции и, возможно, крутил бы с ними романы, не прячась от прошлого и не опасаясь настоящего.

Если бы не тайная ядерная программа Израиля, первый «атомный шпион» в истории этой страны был бы скучным клерком, а не диссидентом. И ветеран Войны Судного дня Яков Кедми не встретился бы со мной за чашкой кофе в районе рынка Алленби. А в жизни самого Якова его война тоже сыграла ключевую роль: он сделал карьеру в разведке, став руководителем спецслужбы «Натив», ответственной, в том числе, и за безопасную эвакуацию евреев из зон кон-

фликтов.

Эта книга – не автобиография. И не географический перечень тех стран, где люди преуспели в уничтожении друг друга во славу разных идей. Это «флешбеки» – вспышки в циничной памяти журналиста однажды увиденного, быть может, хорошо забытого, но потом вызванного из глубин белой бумагой, которая требует от автора быть исписанной во что бы то ни стало. А ведь не будешь же ее, такую белую, марать всякой ерундой?

БУАКЕ

Республика Кот-д'Ивуар, 2002 год

Есть три события, которые я хотел бы вычеркнуть из книги моей жизни или же, как минимум, переписать. Но в книгах, подобных тем, которые мы пишем каждый день каждым своим движением, невозможно ничего переписать, а тем более вычеркнуть. Ваши плохо почищенные утром зубы становятся таким же достоянием истории, как и гениальная музыкальная фраза, если вы музицируете. Или невероятная формула, которая описывает суть всеохватывающего явления под названием «гравитация», если вы исследуете физические законы. Не знаю, как там «гений и злодейство», но гениальное и ничтожное точно всегда идут рядом, взяв друг друга под локоток.

Три события произошли в один день, седьмого октября две тысячи второго, поэтому их невозможно забыть даже по частям. Я пробовал. Но одно затем вызывает в памяти другое, а за ним и третье. Цепная, будь она неладна, реакция. Звеньев немного, но я ими скован по рукам и ногам. Что сделано, то сделано, а что не сделано – тем более уже не исправить и не доделать, поправляя перед зеркалом своей совести респектабельный прикид уважаемого человека.

Одно только я знаю наверняка. У каждого, кто по уши влезал в лучшую из профессий, было нечто подобное. Слово,

которое нужно было сказать. Или досказать. Поза, которую ты принял, вместо того чтобы занять позицию. Шаг, сделанный вверх, в то время когда от тебя ждали, что ты будешь шагать вперед. И теперь каждый волочит за собой свои непереписанные главы.

Невероятно, как же мы все-таки прорвались в Буаке. Думаю, все решило появление этого француза с Радио Франс Интернасьональ, Оливье Роже, которому случилось однажды работать в Москве. Он говорил по-русски, перебирая, как четками, местоимениями, с таким милым французским грассированием, что его, пожалуй, хотелось вставить в фильм эпохи застоя про невероятную любовь существ по разные стороны железного занавеса. И голос у него был вполне подходящий перекатам нёбного «р», бархатистый, приятный, доверительный. Впрочем, неудивительно. Мсье Роже работал на радио.

Именно он уговорил ивуарийских полицейских отпустить нас дальше. В самый центр страны. В самый центр гражданской войны. В город Буаке. Но начальник полицейского управления – в каком же городе? Димбокро, кажется? – захотел проявить радушие и приказал по случаю прибытия столь уважаемых гостей из столь разных стран (Украина, Франция) открыть пустующий мотель и накрыть столы в пустующем ресторане пустующего мотеля.

С едой там было туго. Чтобы ускорить процесс, мне пришлось самому взять в руки нож и почистить огромные клуб-

ни иньямы, по вкусу напоминающие гидропонную картошку. Кажется, кроме иньямы была еще какая-то еда, хлеб, мясо, уже не помню таких деталей. Зато хорошо помню, что наш вклад в коллективное застолье был достаточно велик. Бутылка немировской водки подешевле, испытанное средство подкупа несговорчивых представителей различных вооруженных формирований, которые имеют обыкновение устраивать блокпосты на дорогах, с одной только целью никого никуда ни за что не пускать. Нас было семеро за столом. Я со своим оператором, Оливье с двумя молчаливыми коллегами, газетными журналистами, хозяин гостиницы и начальник местного полицейского спецподразделения. Трапеза происходила во дворе ресторана, можно сказать, под автоматным стволом. За спиной начальника стоял рядовой сотрудник правоохранительных органов Республики Кот-д'Ивуар в красном берете и с автоматом наперевес. Он внимательно и настороженно оглядывал пространство вокруг стола, выполняя приказ «Смотри, чтобы все было в порядке». Оружие на плече черного амбала выглядело грозно, но еще более убедительно оно смотрелось бы на экспозиции редких образцов вооружения Второй мировой войны, одним из которых оно, собственно, и являлось. На солдатах здесь, видимо, сэкономили. Начальник, засунув свой берет под погон, взял стакан с водкой и принялся потягивать его содержимое мелкими глоточками, на манер виски, он, видимо, никогда еще не пробовал наш северный напиток. И я ни с того ни с

сего решил похулиганить.

– Нет, нет, так это не пьют, – замахал я на начальника обеими руками.

– А как же? – переспросил наивный темнокожий офицер.

– А вот так! – И я наполнил его двухсотграммовый сосуд до края.

– Я в этом не участвую, я знаю этот пгтрикол, – мягко заурчал мне на ухо Оливье, прикрывая рукой стакан перед собой. Английский смешивался с французским и русским, как и табачный дым сигарет с разных континентов.

– Дакор, – легко согласился я как раз в тот момент, когда офицер принюхивался к содержимому стакана. Словно и не пил из него до этого.

– Это нужно делать так, – начал я инструктаж. – Водка – это не вино и даже не виски. Чтобы испарения спирта не портили вкусовые качества напитка, его нужно залпом опрокидывать в себя, желательно одним глотком.

В этом месте я сделал паузу со значением, после которой произнес ключевую мысль коварного «пгтрикола».

– Наши офицеры запросто глотают содержимое полного стакана.

Замечаю, что сработало. Ивуариец перестал нюхать водку и приготовился ее глотать.

Я встал со своим стаканом. Он со своим. Я выпил залпом свою жидкость. Он, прикрыв веки, перевернул в рот свой стакан. Разница была только в том, что в моем было при-

мерно граммов на сто меньше, чем в его. Черный офицер проглотил прозрачную жидкость залпом. Высокий, мускулистый защитник и одновременно инструмент африканского правосудия.

Не прошло и нескольких секунд после того, как водка вошла в него, офицер закачался, как мачта старого баркаса в шторм, и (тут мне ради красного словца хотелось бы сказать «рухнул как подкошенный», тем более, что этот забавный эпизод так хорошо рассказывается во время застолья, которое, конечно, допускает любые литературные преувеличения) присел на деревянную скамью, на которой все мы, собственно, и сидели. Но африканец, похоже, и сидеть не мог, потому что даже в таком положении его качало в разные стороны. Особенно опасно парень откидывался на спину. Младший чин ивуарийского спецназа занервничал, подскочил к спине своего командира, продолжая водить своим стволом по сторонам. «Довольно опасное движение», – подумал я про себя, глядя на мечущийся автомат. Мои французские друзья, судя по лицам, подумали то же самое. По-французски.

С каждой секундой командира болтало все больше и больше. Его солдат не знал, что нужно сделать раньше – поймать своего офицера до того, когда его тело коснется хорошо утоптанного грунта, или расстрелять этих подлецов, этих коварных отравителей, этих пособников продажных заграничных корпораций (всем известно, это именно они устроили

путч в мирной образцовой африканской республике), этих чудовищ, прибывших в Африку с одной лишь целью, а именно вывести из строя хотя бы одного законопослушного офицера. Все это было вложено в клич негодования, который издал человек с автоматом. В отличие от нас, ослотивший командир понял сразу своего подчиненного. Он посмотрел на него и успокаивающе кивнул: «Тре бьен». Все очень хорошо.

С ускользящей улыбкой на лице наш черный гигант поблагодарил нас и попытался встать из-за стола. Попытка не удалась, вернее, до успеха довести ее помог все тот же младший чин. Стало понятно, что стрелять по нам не надо, а вот что надо, так это ловить падающего командира. Что солдат, собственно, и сделал. А его шатающийся предводитель сообщил: «Мне, пожалуй, пора» и скомандовал по-армейски четко выносить его к месту дежурства. Подтягивая долговязого начальника к двери, солдат время от времени боролся с собственным автоматом. В этом нелегком деле стрелковое оружие только мешало.

«Тепегрь нас должны еще ггаз аггрестовать», – задумчиво програссировал Оливье. Но нас не арестовали, а напротив, едва с утра посветлело на востоке, совершенно безо всяких проблем пропустили в сторону Буаке на блокпосту правительственных сил. Это был последний контроль на территории, которую контролировало правительство Кот-д’Ивуара. На лицах ивуарийских солдат было нескрываемое удивление. Мне тогда казалось, они глядели на нас с опаской,

мол, вот они, люди, сумевшие нейтрализовать нашего могучего командира, давайте-ка их пропустим в сторону нашего противника, пускай их травят своей водкой. Потом я понял, что на нас они смотрели, как на сумасшедших, потому что только сумасшедший в ту осень хотел с юга страны перебраться в Буаке, сердце мятежного беззакония. Впрочем, одно другому не помеха. Людям, которые пьют такие странные напитки, самое место в странном городе, окруженном отборными ивуарийскими жандармами и солдатами французского Иностранного легиона вкупе с десантниками. С беретами был явно перебор. Легионеры в зеленых. Десантники в малиновых. Еще были береты невероятной раскраски и всевозможной гаммы, в которых красовались местные, ивуарийцы. Берет в прифронтовой зоне был чем-то вроде индикатора качества человека. Зеленый берет информировал: его суровый обладатель – отличный инструмент войны высшего качества, нетребовательный, исполнительный и невероятно выносливый. Малиновый: уступает зеленым в нетребовательности и выносливости, зато инициативен и весьма патриотичен, убежден, что его родина – это вся Французская Республика, а не отдельно взятый Иностраннный легион. (Как известно, официальный лозунг легионеров звучит категорично: «*Legia patria nostra*», то есть, в переводе с латинского языка, «Легион наша родина».) Остальные цвета с точки зрения первых двух настолько не в счет, что дифференциация по цветовым показателям просто теряет смысл,

хотя парни на ивуарийских блокпостах, как мне показалось, обладают явным преимуществом перед французской палитрой. Они были местными, ивуарийцами, африканцами, наконец, они здесь не просто воевали, то есть, конечно, воевали, но не всегда, а большей частью просто жили, и, в отличие от французов, им было что защищать и за что поливать кровью желтую землю, покрытую лесостепью и плантациями какао, из-за которых, собственно, и началась эта странная гражданская война. Какао здесь выращивают так много, что, оказывается, шестьдесят процентов мирового урожая сладких бобов привозят именно отсюда. Шоколад, который вы, возможно, сейчас жуете, оставляя коричневые отпечатки на уголках страниц, скорее всего, западноафриканского происхождения. Мысленно разделите прямоугольник вашего шоколада на десять равных частей. Представьте, что шесть из них состоят из порошка какао, выращенного в Кот-д'Ивуаре. И что из-за этого какао, а вернее, из-за денег, что платите за шоколад вы и еще десятки миллионов любителей сладкого, здесь идет война. В Африке всегда так. Если в стране имеется, что делить – нефть, алмазы, какао, – дележ происходит с помощью мачете и автоматов. Но, пожалуй, не стоит заниматься разбором причин конфликта в стране Берег Слоновой Кости, как и в других соседних странах. Пока я находился в ее пределах, я так и поступал, то есть оставлял раздумья о первопричинах на «потом», на то время, когда я вернусь в свой привычный восточноевропейский мир и начну

просматривать отснятый материал. И в очередной раз выведу для себя самого главный закон телевизионного цинизма. Чем дальше страна, тем больше должно погибнуть людей, чтобы у зрителей появилось желание задуматься: а что же там происходит? Африканский континент никогда не отличался гуманизмом. Когда в Европе, Америке или Азии гибнут десятки мирных жителей, мир белых людей воспринимает это как вселенскую трагедию. Жертвами африканских войн ежегодно становятся десятки тысяч человек, и это воспринимается как должное.

Мы задержались немного на блокпосту легионеров. Во-первых, потому что они стояли между правительственными войсками Кот-д'Ивуара и повстанцами. Вроде бы как миротворцы, но с четким приказом открывать огонь на поражение в случае любой видимой опасности. Во-вторых, потому что среди этих парней в зеленых беретах было немало наших соотечественников – из Украины и тех, кто из России, Беларуси, других стран Содружества. Остальные тоже родственнички, в основном сербы, поляки, хорваты.

Иностранный легион был создан девятого марта 1831 года по приказу короля Луи Филиппа. Сначала его основу составляли швейцарские наемники, затем в Легион стали набирать всех желающих. Именно тогда возникла традиция не спрашивать имени новобранца, и для сотен маргиналов и преступников это был неплохой шанс избежать наказания. Сейчас ситуация изменилась, но среди легионеров встречаются

люди, которые не в ладах с законом.

К выходцам из Российской империи всегда было особое отношение. В 1921 году на основе конницы бежавшего во Францию Врангеля был создан первый бронетанковый полк легионеров. Они участвовали в десятках вооруженных конфликтов, особенно отличились в начале пятидесятых в Индокитае и Алжире. За то, что легионеры защищают интересы Франции, Республика жалует им французское гражданство – обычно после трех с половиной лет службы.

В девяностых годах Легион пополнили добровольцы из Восточной Европы – люди с боевым опытом и желанием воевать дальше. Многие ветераны войны в Афганистане и миссии на Балканах вернулись туда опять, только в другой форме и под другим именем. Так что встретить земляка в Легионе несложно. Сложно уговорить его назвать свое настоящее имя.

– Кто-нибудь из вас говорит по-русски? – крикнул я в кузов грузовика, заехавшего на территорию импровизированного военного городка.

– Нет! – с издевкой донеслось из кузова мне в ответ.

Они приехали сюда для того, чтобы эвакуировать французов из мятежного города. Французов здесь было немало. Теперь нет ни одного. Мятежники не любят белых людей. Тем не менее, в войну с бывшей метрополией вступать не хотят. Повстанцы понимают, что они в состоянии сражаться с деморализованной местной армией, но вовсе не с французски-

ми легионерами славянского закаленного происхождения.

И я решил, что нужно отснять часть репортажа именно здесь. Это потребовало времени. Полтора часа съемки. А до этого еще часа четыре уговоров на то, чтобы получить разрешение на съемку, в ожидании которой мы с оператором Вадимом Ревуном сидели на пластиковых стульях под тентом возле французской БМП. Русскоговорящий дружище Оливье познакомил нас с командиром легионеров, отрекомендовал и отправился дальше в Буаке. Нам бы тоже туда вслед за ним, но не хотелось упускать возможность пообщаться с «нашими» в чужой форме.

– Они, наверное, думают, что мы шпионы, – философски заметил Ревун, выпуская дым очередной смрадной сигареты. Это натолкнуло меня на мысль. А еще антенна над крытым зеленым автомобилем, который стоял в нескольких метрах от нас.

Я развернул свою антенну на спутниковом телефоне и набрал номер редакции.

– Але, у нас все в порядке, нашей безопасностью занимаются французы, Иностранный легион, от них зависит мир в этой стране.

Набрал номер своей жены.

– Послушай, у нас все хорошо, люблю, не волнуйся, мы в полной безопасности, тут французы, легионеры, отличные ребята, профессиональные миротворцы, нас охраняют, мир берегут. Нет, никто не стреляет, это двигатель запустили.

Набрал номер Оливье.

– Ну что, добрались? Молодцы, молодцы. Слушай, огромное тебе мерси за легионеров, я думаю, что только они способны поддерживать мир... (И так далее.)

Прошло не больше двадцати жарких минут. Из автомобиля с антенной вылез улыбающийся лейтенант, подошел к нам и сообщил новости. Они заключались в том, что съемочная группа из Украины в лице Андрея Цаплиенко и Вадима Ревуна получила доступ к съемкам позиций легионеров, а также возможность задать несколько вопросов самому лучшему солдату подразделения, кстати, из Украины, который изъявил желание служить в Легионе под своим именем. Все-таки это правильно, что телефоны журналистов так легко прослушиваются.

Игорь Омелянчук. Рост два метра. Косая сажень в тяжелых квадратных плечах. Плотно накачанные, словно футбольные динамовские мячи, мышцы.

Он оказался в Легионе пять лет назад. За это время дослужился до капрала. Для парня из украинского города совсем неплохо. Игорь родом из Черновцов. Служил в украинской армии, а потом решил податься туда, где платят больше да и работа поинтереснее. И впрямь, жизнь легионера скучной не назовешь. Основная база спецподразделений – на острове Корсика. Раз в год «спецов» отправляют в Африку – в Габон, в Джибути, в Центрально-Африканскую Республику.

«Мы привыкли к Африке, – рассказывал мне Игорь после

того, как получил приказ сниматься для украинского телевидения. – Примерно раз в полгода нас отправляют в Джибути. А теперь вот сюда. При тех нагрузках, которые мы переносим в учебном центре, здесь еще неплохо, своеобразный отдых».

Но отдых здесь только для тела, не для души. Ствол бронетранспортера все время направлен в сторону Буаке, туда, откуда каждый день слышны автоматные очереди и крики демонстрантов. «Мы не любим Гбагбо!» Это в адрес действующего президента. «Французы, убирайтесь домой!» А это в адрес легионеров. Интересно, что бы кричали демонстранты, если бы узнали, что среди легионеров почти нет французов?

Мятежники контролируют ситуацию. Они сопровождают демонстрантов, когда те с плакатами и палками идут из города к французскому блокпосту. Боевики не дают толпе приблизиться к бронетранспортеру, но день ото дня дистанция между горожанами и легионерами сокращается.

«С мятежниками мы не сталкивались, – признается Игорь. – Видели их, только когда они сопровождали демонстрации протеста и вместе с ними подходили к нашей позиции. Но воевать с нами они, похоже, не хотят».

По некоторым признакам мы определили, что легионеры намерены сворачивать свой блокпост и покинуть пригород Буаке. Это может означать, что дела налаживаются и французы здесь больше не нужны. Или что силы правительства намерены идти в наступление и, стало быть, большой войны

не миновать.

Каждый из легионеров вооружен винтовкой ФАМАС. Неплохая винтовка, говорит Игорь, но в отличие от «калашника» очень чувствительна к грязи. Хорошее сравнение. В Легионе любят солдат с родины «калашника», наверное, потому, что они так же неприхотливы, как и знаменитый автомат.

«Если они двинут на нас, то крупно пожалеют, – произнес сквозь плотно сжатые зубы Де Ла Шапель, командир Омелянчука. – Они нас боятся, потому и не идут вперед. Я в легионе уже двенадцать лет и, поверьте, знаю цену жизни и смерти».

Легионеры заблуждаются – боевики никого не боятся. Может быть, где-то в душах чернокожих солдат и спрятался животный страх перед смертью, но у каждого боевика есть испытанное средство борьбы со страхом, о котором французские солдаты не знают ничего. Этому средству тысячи лет, в сравнении с которыми несколько минут терпения ничего не значат.

И у нас появился шанс узнать об этом средстве. И выбор, на чьей стороне нам оставаться. Де Ла Шапель сообщил, что только что получил приказ пропустить вперед правительственные войска. Это означает только одно – город будут атаковать. Мы должны сделать свой выбор в течение нескольких секунд: оставаться под защитой легионеров или оказаться в центре сражения – на свой страх и риск. Я при-

нимаю решение довериться судьбе. «Ты как?» – спросил я оператора. «Так же, как и ты», – ответил, покуривая, Вадим. Мы сделали выбор и едем в Буаке. Отныне все мы, черные и белые, оказавшиеся волей случая или провидения в этом городе, в руках судьбы. И только судьба знает, кто из нас увидит завтра свой последний рассвет.

– Nous sommes les soldâtes de la Justice et de la Liberte! – кричал, стоя на капоте малинового «мерседеса», бывший старший сержант ивуарийской армии Сумаоро Шериф Усман. – Мы солдаты Справедливости и Свободы!

– Да-а-а! – скандировала толпа. – On n'aime pas Gbagbo! Мы не любим Гбагбо!

Гбагбо – это фамилия тогдашнего президента Республики Кот-д'Ивуар, против которого восстала часть армии. К этой части и принадлежал Шериф Усман. Военная карьера его явно шла вверх. До восстания он был просто старшим сержантом, чья власть распространялась на отделение новобранцев. Во время восстания число его подчиненных выросло до семи сотен боевиков. После восстания Сумаоро Шериф станет политиком регионального масштаба. А все потому, что дар народного трибуна в нем смешался с чутьем уголовника. Он всегда чувствовал тот момент, когда нужно подняться над толпой. Наша камера включилась как раз в самый разгар митинга. Я решил тут же, в толпе сторонников восстания, записать комментарий. Со всех сторон на меня налегали кричащие люди. «Свобода!» – слышал я звенящий вой над го-

родом. Мои руки были заняты микрофоном. Пока я рассказывал о солдатах свободы и справедливости, ловкие чужие ладони рыскали в задних карманах моих джинсов, так нагло и уверенно, что захотелось прервать репортаж и врезать по морде их обладателю. Но это было почти невозможно. Судя по количеству рук, их обладателей было несколько. Да и толпа стиснула меня могучими тисками народной африканской солидарности.

Вечером, после митинга, я нашел Шерифа и его людей на заправке. Машины боевиков в Буаке заливали бесплатно.

– Шериф, мне нужно твое интервью, – заявил я бывшему сержанту армии Кот-д’Ивуара.

– О чем? – Он даже не посмотрел в сторону человека, задавшего вопрос.

– О чем угодно, о французах, например.

Он повернул ко мне свое лицо. На глазах очки с темными стеклами, хоть на дворе была ночь. Над бровями спортивная разноцветная шапочка-«пидорка» с вышитой от руки аббревиатурой МРСІ – Патриотическое движение Кот-д’Ивуара.

– Где?

– Да где хочешь.

– D’accord, – согласился он и крикнул в пространство: – Embarquer! Грузиться!

Это «эмбарке» звучало так вяло и одновременно так жестко, что я сразу понял: никто не мог ответить этому черному парню «нет». Люди Шерифа, жевавшие неизвестную мне

африканскую снедь, бросили это приятное дело и быстро запрыгнули в кузов пикапа, на крыше которого был установлен крупнокалиберный пулемет. Я и сам долгое время после этого интервью, пытаюсь ускорить себя самого, прикидывал мысленно: «А ну-ка, Андрюша, эмбарке! Быстренько грузиться!» Иногда добивался результата.

«Мы не преступники, мы повстанцы. Преступники боятся смерти. Мы же ее не боимся, – так говорил Усман, стоя на пустынной улице перед нашей камерой. За ним, ошестинившись стволами автоматов, сгруппировались его боевики. А дальше ярко горел костер перед пустующей постройкой. Отличный фон для интервью с мятежником. – Мало того, лично я очень хотел бы, чтобы французские солдаты, которые окружили город, вошли сюда и встретились лицом к лицу с нами. Я не хочу войны с Францией, но если она начнется, это будет на совести французов».

Он уже знал, что легионеры утром пропустят правительственные силы безопасности.

«Нас немного, около семисот человек. Но за нас весь народ севера страны. Думаешь, мы смогли бы контролировать второй по величине город Кот-д’Ивуара, если бы люди не хотели этого? Вот и подумай, смогут ли взять жандармы этот город с боем. Я лично не очень уверен», – и Шериф Усман расплылся в щербатой хулиганской улыбке.

– Взять, пожалуй, и не смогут, – подумав, заметил я, – но попытаются. Будет много жертв.

– Может быть. А где ты видел революцию без жертв? – риторически переспросил Шериф.

– Я не уверен в том, что это революция.

Усман внимательно посмотрел на меня.

– Поехали с нами, – сказал он. И снова я услышал, как он бросает своим людям это легкое «эмбарке».

Мы подъехали к южной окраине Буаке. Западноафриканская ночь светилась тысячей огней. Одни затухали в серой темноте, другие, наоборот, разгорались. Приблизившись к огням, я разобрал, что это сигареты, тлеющие на губах и в руках солдат. Люди в форме с оружием в руках сидели на земле и ждали рассвета. Их прикрывал целый ряд одноэтажных домов, за которым начиналась лесостепь. Я знал, что она другим концом упирается в колеса бронетранспортеров правительственных сил, и они сейчас готовятся одним рывком намотать километры равнины на свои передние и задние мосты. Содрать с революции одеяло расстояния. Но люди на той стороне не видели того, что видел я. К испуганным мужикам в военной форме, сидящим в переулке, подходили такие же испуганные мужики в гражданском. Их становилось все больше и больше, и новые сигаретные светлячки зажигались тут и там. Им, гражданским, было очень страшно. Один из них ходил среди толпы с тридцатимиллиметровым снарядом в руке и говорил: «Это прилетело с той стороны, это попало в косяк двери моего дома». Да, им было страшно, но они не собирались уходить, хотя до рассвета оставалось

все меньше и меньше времени. Я сел на бордюр тротуара. Рядом со мной примостился ладно скроенный парень в зеленой форме.

– Ну, как ты? – улыбнулся он.

– Нормально, буду ждать рассвета со всеми, – сказал я. – Ты куришь?

– Нет, разве ты забыл, я же спортсмен, хоть и в далеком прошлом.

Это Туо Фози. Раньше он был членом сборной Кот-д'Ивуара по легкой атлетике. Его рекорд на стометровке долгое время никто в Африке не мог побить. Теперь он стал, как это принято называть в газетах, полевым командиром, после того как поддержал мятежников и возглавил их. На его погонах сержантские знаки различия. Такие же точно я видел у Шерифа Усмана. Но в революционной иерархии Туо Фози на ступень выше, чем Сумаоро Усман. Шериф принимает военные решения «стрелять – не стрелять». Туо – политический рупор всей операции. Он ведет переговоры с министрами и генералами. Он руководит жизнью восставшего города. Возможно, над ним есть еще фигуры. Несомненно есть. Когда я утром брал у него интервью, Туо часто отвлекался на звонки спутниковой «турайи», внимательно слушал и слишком часто повторял: «да, шеф, да, да, да». И это давало основание считать, что всей герильей кто-то руководит из весьма безопасного места. Но среди сигаретных огней на проселке, который скоро станет передовой линией фронта,

это, пожалуй, было неважно. Усман был мне интересен, Туо – не только интересен, но и симпатичен. И я ему, кажется, тоже, по непонятным причинам. Оливье записывал мое интервью с Туо Фози на диктофон, для Радио Франс Интернасьональ.

– Такого он еще никому не грассказывал, – уважительно заурчал он мне на ухо, когда запись остановилась.

На самом деле ничего особенного бывший спортсмен так и не сказал. Просто снял тампоны с незаживающих ран на душе. Почему передо мной?

«За то, что я не поддерживаю нынешнего президента, я был осужден на двадцать лет тюрьмы. Мне приписали убийство капитана во время нападения на резиденцию генерала Роберта Гея. Да, я там был. Но я не сделал ни единого выстрела. Президент Гбагбо хотел устроить показательную порку непокорных. Я вынужден был бежать, а сейчас вернулся, чтобы умереть на земле Кот-д’Ивуара. Я не знаю другой страны, другие страны не существуют для меня. Я ивуариец, и пусть все это знают!

Одиннадцать лет назад я был в сборной Кот-д’Ивуара по легкой атлетике, был в Европе, Африке, Америке. Я видел мир, и меня знает спортивная публика. Двадцать лет мне не было равных в армии. Рекорд, который я поставил на стометровке, никто не повторил до сегодняшнего дня. И что теперь? Потому что я против Гбагбо, меня хотят лишить ро-

дины?

Посмотри, здесь семьсот ивуарских парней, и у них та же проблема с тем же правительством! Не надо думать, что мы подлецы и оборванцы. Мы люди, которые поднялись, чтобы говорить от имени народа и ради блага народа! Народа, который страдает от несправедливости, потому что лишен свободы. Мы воюем за свободу и справедливость. За право честно выбирать президента и контролировать то, что делает власть. Вот за что мы воюем.

Люди на протяжении года были заключены в тюрьму за якобы подрыв государственности, по милости этого же государства. И только через год их освобождают из-за отсутствия доказательств. Как ты думаешь, это нормально? Пружина разжалась, и мы взяли в руки оружие.

Мы хотим, чтобы французские войска ушли. Они там, на той стороне, значит, они защищают режим президента Гбагбо. Ну что ж, мы будем драться, потому что мы боремся за свободу и за демократию в Кот-д'Ивуаре. Нам говорят, что Франция – одно из самых демократических государств. Французы долго сражались за свою демократию. Зачем же они мешают нам обрести свою?

У меня здесь есть семья. Мой отец умер, а я даже не был на похоронах, потому что был в изгнании. Я не видел отца перед его смертью. Неужели невозможно понять, что это означает для человека? – нельзя проститься с тем, кто привел его в этот мир. И я внезапно и очень мощно почувство-

вал, что должен подняться с колен, взять на себя ответственность и не допустить того, чтобы это произошло с другими людьми. Мы будем бороться за это. Это тяжелое и сложное испытание, но мы хотим, чтобы в Кот-д'Ивуаре каждый был со своей семьей, чтоб каждый жил у себя дома. Мы пойдем до конца и добьемся своего.

Мы не повстанцы, не террористы и не убийцы! Ты можешь поговорить с людьми в Буаке. И они скажут тебе, что это мы проливаем кровь за их безопасность».

И теперь он сидит рядом, улыбается и ждет рассвета вместе со всеми униженными и оскорбленными этой странной страны. А через несколько часов оказалось, что маятник качнулся в другую сторону. Под тихие трели пуль трехлинейного калибра.

Мы метались от одной передовой до другой. Буаке атаковали с трех сторон. С четвертой повстанцы не пускали правительственные силы, удерживая единственную дорогу, соединявшую город с севером Кот-д'Ивуара. Даже здесь, в Буаке, войска, верные Гбагбо, называли не иначе как «лоялисты», в буквальном переводе «сторонники законности», то есть законной власти. С этой стороны линии фронта была территория революции, и законы здесь тоже были вполне революционные. Что это означает, я очень скоро понял.

Первый минометный залп с той стороны прозвучал примерно в восемь утра. Лоялисты не любили ранних подъемов. Туо Фози в ответ расставил своих минометчиков по пери-

метру города. Армия попыталась войти в город с трех сторон – с востока, запада и юга. Восточный фланг был слабым местом в обороне повстанцев, и жандармам удалось подтянуть позиции снайперов к минометным батареям на окраине Буаке. Один из них засел в здании школы капралов, как раз возле того места, откуда бой снимали мы и француз Грегуар Деню. «Послушайте, парни, давайте обойдем его, – предложил французский оператор. – Сюда, похоже, скоро начнут лупить минометы». На самом деле этот француз хотел снять позицию снайпера. Удачный кадр на чужой войне. Мы почти подобрались к снайперу, он нас не заметил. Но минометная позиция, по которой стрелок ведет огонь, была практически за нашими спинами. Мы сидели в зарослях папоротников и еще какой-то широколиственной зелени, но так и не решились сделать рывок вперед. Страх не было, но что-то остановило нас. Заветный кадр Грегуара остался неснятым. Мы обошли снайпера и добрались до тех самых минометчиков, по которым стреляет жандарм. И, пожалуй, вовремя.

– Мы его выбьем оттуда. Еще пару залпов, и я сделаю свое дело, – спокойно заявил бородатый здоровяк, указывая на то место, где еще несколько минут назад находились мы с французом. В руке, которой он водил в сторону школы капралов, хватало места для шестидесятимиллиметровой мины и сигареты, зажатой между средним и указательным пальцами. Черный повстанец затянулся, не выпуская боеприпаса из рук, потом отнял руку с миной от лица. Сигарета осталась

в его полных обложенных кудрями бороды губах.

Солдаты-повстанцы в полный рост ходили под прицельным огнем. Они методично, без излишней ярости и суетливости обстреливали позицию противника, даже не пытаясь укрыться от пуль, которые, судя по свисту, пролетали в сантиметрах от боевиков.

Я слышал, что жандармам, атакующим город, платили по две тысячи долларов за участие в штурме, а это огромные деньги для Берега Слоновой Кости, я знал, что лоялисты – это наиболее боеспособная часть ивуарийской армии. Но все же, мне кажется, они боятся повстанцев. Боятся встать и вот так, в полный рост войти в город, отбросив бунтовщиков на север.

– Слушай, дай нож, – услышал я.

– У меня нет, спроси у моего оператора, – механически ответил, оторвавшись от своих мыслей. Вадим достал свой карманный инструмент и протянул его парню, который пытался зачистить два проводка, красный и черный.

– Мы не боимся, а они боятся, и все потому, что у них нет «гри-гри», а на войне это главное, – сказал повстанец. И тут я заметил, что проводки, которые он соединял, выглядывали из блока противотанковых снарядов. Такие зеленые цилиндры обычно устанавливают на бронетехнике. И мне внезапно стало ясно: если мастер ошибется, то, пожалуй, позицию некому будет защищать. Нам было недосуг спрашивать о том, что такое гри-гри, мысли были заняты совсем другим.

- Пожалуй, надо нам отсюда убираться, – сказал я Вадиму.
- Два раза повторять не было нужды.
- Куда поедем? – спросил меня оператор.
- В госпиталь.

Первого раненого, которого мы увидели, доставили в госпиталь сами боевики. Обычный крестьянин, он ковырялся в своей земле как раз на линии огня. Его семья даже не знала, что началась атака. Крестьянина достала шальная пуля. Пробежала ногу чуть ниже колена. Боевики говорили, что стреляли со стороны позиций жандармов. Хирург, доставший пулю из ноги, не поверил им. «Исса Даниого», – представился он, как только скользкая от крови пуля звякнула о дно белого эмалированного лотка.

– Они все говорят о мире, но на самом деле хотят воевать. Нам не хватает людей. Врачи говорят, что боятся выходить из дома. – Исса сел посреди операционной, устало вытирая капли пота с гладко выбритой большой черной головы. Всем своим видом он походил на Морфеуса из «Матрицы», и даже эти усталые движения руки добавляли сходства.

– Но самая главная проблема нашего города – это антисанитария, – продолжил доктор. – Некому убирать мусор. Отсюда – эпидемии разных болезней. Поэтому здесь нужно быстро принимать решения. Главное – это избежать эпидемии холеры, если она начнется, то ни врачи, ни солдаты ничего не смогут сделать. Может быть, хотите посмотреть наш госпиталь?

– Почему бы нет? – согласился я.

Доктор повел нас в палаты. Еще в операционной я удивился, что госпиталь довольно хорошо оснащен, во всяком случае, с точки зрения журналиста. Новое оборудование. Просторные помещения. Чистота. Но при этом я заметил, что врачи попадаются редко. «Я же говорил, доктора боятся выходить из дома», – словно прочитал мои мысли хирург. Мы были у дверей одной из палат.

– Здесь женщина, – сказал он, – я загляну и спрошу, согласится ли она говорить с журналистом.

– Входите, – сказал он, выглянув из двери.

Палата была одноместной. На кровати лежала женщина средних лет. Пятьдесят или около того. Она с трудом приподняла свое грузное тело. Доктор помог ей устроиться поудобнее, подложив подушки. Женщина села в постели, отбросив легкое покрывало так, что оно осталось лежать у нее на ногах.

– У нее очень опасное заболевание, – сказал Исса Даниого, указав на ноги женщины, и произнес загадочное слово на латинском, которое прозвучало очень зловеще в тишине палаты. Окно было раскрыто. Ветер дышал в него, бесшумно раскачивая занавески.

Доктор задал женщине вопрос на языке севера Кот-д’Ивуара, она, грустно всхлипнув, кивнула головой.

– Если хотите, можете посмотреть, она разрешает.

Покрывало метнулось в сторону, обнажив огромные

вздувшиеся ноги. Они были невероятно опухшие, так что моментально стало ясно: она не может ни ходить, ни даже стоять на своих ногах. Местами сквозь черную натянутую кожу прорывались язвы красной плоти. Как будто кожа не выдерживала страшного внутреннего натяжения и разрывалась, расползалась в стороны, обнажая все, что было под ее лакированной чернотой. Белый ты или черный, подумал я, под кожей все люди одинаковы. Короткое интервью с женщиной годилось для медицинской передачи, все о медицине в условиях нехватки медикаментов. Мы поблагодарили ее, извинившись за вторжение, и повернулись к двери палаты.

– Заберите меня отсюда, – сказала она по-французски.

Я остановился, не совсем разобрав смысл сказанного.

– Вы ведь едете в Абиджан? – спросила она.

– Ну да, конечно, – ответил я, – правда, как бы это вам объяснить? Ну, как минимум, не сегодня.

Мы понимали, что нам нужно будет через несколько дней выбираться отсюда, чтобы доехать до международного аэропорта, который, как известно, находится в Абиджане. Рано или поздно нам придется прорываться через окружение, хотя в тот момент я не представлял, как мы сможем это сделать.

– Все равно, – вздохнула она, – заберите меня отсюда. Я умираю здесь. Я разваливаюсь на куски. Там меня могут еще спасти.

– Ну, я не могу ничего вам пообещать, – промямлил я, представив себе, как мы будем выезжать из города еще с

одним пассажиром. Нас двое, да еще водитель-ивуариец. В принципе, не слишком много для «мицубиси-универсала» повышенной проходимости. Но было еще несколько моментов. Полностью забитый аппаратурой грузовой отсек машины. И Грегуар Деню, которому я пообещал место на пассажирском сиденье в том случае, если мы будем рвать когти из Буаке. Но кроме того, я в глубине души понимал, что с чернокожей пассажиркой, которую наверняка приняли бы за раненую, боевики ни за что бы не выпустили за пределы линии обороны. Накануне они запретили всем жителям Буаке оставлять город.

– Заберите меня, – всхлипывала женщина. – Спасите. У них здесь нет лекарств. Эта война надолго. Она убьет меня без единого выстрела, понимаете?

Врач тактично вышел в коридор. Он не хотел влиять на мое решение. Я посмотрел на Вадима. Его продолговатое лицо слегка вытянулось. Он не хотел брать на себя бремя решения.

– Думай сам, но с ней у нас ничего не получится.

В общем, я отказал ей.

– Понимаю, – вздохнул в коридоре Исса Даниого. Кроме этого, он не сказал ни единого слова, пока мы шли на выход из госпиталя. Морфеусоподобная голова, словно отлитая из черного блестящего металла, покачивалась над широкоплечим белым халатом впереди нас и повернулась к нам только тогда, когда мы оказались возле центральных дверей.

– Удачи, бон шанс, – черная рука пожала мою белую, а потом снова смахнула пот с бритой головы. Я на прощание затараторил что-то о возможности забрать эту женщину, в случае если, и стал перечислять условия этого самого «если», причем их было так много, что Морфеус сразу понял – его пациентка останется в Буаке, – и он улыбнулся, хлопнув меня двумя руками по плечам, мол, не стоит уговаривать, дружище, и себя и меня в том, чего не будет. Я замолчал, понимая, что он прав, и тут же пожалел о том, что приехал в госпиталь, встретил этого черного, как зеркало моей собственной совести, хирурга. А потом, когда мы выехали из ворот госпиталя, я пожалел о том, что не вернулся туда и не предложил этой разъедаемой язвами африканке ехать с нами. Но было поздно, потому что в город вошли лоялисты, и это мы узнали от повстанцев, на которых наткнулись как раз на западной окраине города. Они перекрыли перекресток, выставив на него длиннющий бензовоз. Мы остановились и завели с солдатами нервный разговор.

Они выглядели истощенными и злыми. Их только что отвели с передовой. Многие из повстанцев были ранены. У одного я заметил десятки кровавых отметин на мускулистой руке, сжимавшей рукоять «калашникова». Этот парень чем-то выделялся среди остальных. Может быть, особо свирепым выражением лица. А может быть, всего лишь тем, что на его голове был не берет и не кепка зеленого цвета, а круглая красная шапочка, сродни турецкой феске.

– Сними этого солдата, – попросил я оператора. Вадим подошел к парню. Тот посмотрел на нас и скривился, но не протестовал против съемки. У меня был портрет боевика. Отличная иллюстрация для рассказа об африканской войне. Снятый с нижнего ракурса вооруженный человек сжимает деревянную рукоять автомата.

Больше ничего интересного здесь не было. Нам стоило поискать дорогу в сторону западного фланга обороны боевиков, но мы чего-то ждали, оставаясь на месте. Наш ивуарийский водитель Патрис выглядывал из окна машины и спрашивал: «Так едем или не едем?», но я все медлил с отъездом, задавая повстанцам вопросы, один за другим, о том, что же происходит на линии огня. В ответ я услышал несколько сумбурных историй: о новейшем оружии, которое применили лоялисты, и о белых наемниках, якобы командовавших силами безопасности. Подобные страсти, кстати, мне рассказывали на Кавказе, но только вместо белых наемников, водивших войска противника в бой, в центре истории обычно фигурировали черные наемники. Я тянул время и зачем-то слушал все эти рассказы. Издалека доносились редкие выстрелы и шум двигателей, то ли бронетранспортеров, то ли техники размером поменьше. И тут я увидел полуголого человека, который спокойно шел вдоль дороги, неся в одной руке черную спортивную сумку и белый пластиковый пакет в другой. Из пакета выглядывали лопасти электрического вентилятора и уголок настенной фотографии большого разме-

ра. Сумка явно была набита вещами, судя по нагруженной жилистой руке. Худощавый парень был одет только в спортивные рейтузы и кроссовки. Он был не один. Рядом с ним шел немолодой крепыш в военной форме и с автоматом. Они спокойно и лениво переговаривались, приближаясь к толпе повстанцев.

Боевик в красной феске окликнул парня, мол, кто такой. Парень ничего не ответил, а его сопровождающий весело ответил за него: «Мародер!», и тут задавший вопрос повстанец засуетился. Он подскочил к худощавому парню и, продолжая сжимать одной рукой дерево автоматной ручки, другой рванул на себя пакет. Заглянув в него, он вопросительно посмотрел на потенциального мародера. «Это мое», – тихим, немного скрипучим голосом пояснил тот. Но боевик больше не слушал. Он выхватил у худощавого парня из обеих рук то, что он нес, и отбросил к ноге конвоира. Потом подвел пленника к обочине, туда, где росла высокая и жесткая трава, и приказал: «Куше! Ложись!»

Уже тогда я знал, что именно сейчас произойдет. Не знаю, какое чувство у меня включилось, но я внезапно увидел ближайшее будущее этого полуголого мародера. Я даже сейчас, правды ради говоря, не уверен, что он был мародером. Тем более непонятно, почему я стоял, молчал, смотрел, раздумывал и ждал того, что будет. Когда я спрашивал потом своего оператора, почему он начал снимать без команды, он сказал: «Так ведь ты просил еще раньше, чтобы я снял, как боевики

наказывают уличных воришек. Помнишь, они заставляли их ложиться на землю и отжиматься». Это действительно так и было. В первый же день, а точнее вечер, в Буаке я заметил, как парни с оружием заставляли подростков делать отжимания прямо на первой круговой развязке на въезде в город, и солдат на чек-пойнте пояснил, что так они отучают подростков воровать.

Между мной и боевиком, уложившим в заросли травы художавого мародера, было пять метров и оператор с камерой на плече. Вадим стоял, широко расставив ноги, и снимал этих двоих общим планом. На записи, снятой сплошным куском, видно, как боевик в красной феске продолжает командовать. Он говорит полуголому парню: «Ложись». Тот мямлит и твердит: «Не надо, я не мародер». Боевик отталкивает подозреваемого в мародерстве, парень оседает в заросли травы, продолжая умолять о пощаде. Человек в красной феске передергивает затвор «калашникова» и коротко нажимает на спусковой крючок. Автомат сухо выплевывает две пули, и они разрывают черный покров кожи, под которым обнажается красная плоть. Парень опрокидывается назад и скрывается в траве. Видна лишь часть его художавого торса и жилистая рука, которая все еще инстинктивно закрывается от ствола. Из травы доносятся хриплые утихающие стоны: «не надо», а боевик в феске продолжает нажимать на курок. Еще три выстрела, на черной коже появляются новые красные разрывы, и стоны прекращаются. Рука падает. В траве не

заметно никакого движения. Боевик забрасывает автомат на плечо и неторопливо движется от обочины к толпе повстанцев возле джипа.

Я был в полном оцепенении, и при этом не испытывал ни малейшего страха. Тем более я не могу понять, почему я смотрел и не остановил этот акт «революционного правосудия». Мне говорят, что это было абсолютно невозможно, что боевики могли сделать с нами то, что сотворили с мародером, но я думаю, я уверен, во всяком случае сейчас, что это не так. Мы могли остановить эту расправу, хотя бы попытаться, но вместо этого молча выполняли свой профессиональный долг, фиксируя происходящее так, как будто бы это была не наша война. Теперь я знаю наверняка, что любая война, на которой ты оказался, должна стать твоей, иначе не получается.

Можно взять и прокрутить запись, сделанную в две тысячи втором, в обратном направлении. Боевик в красной феске спиной движется к обочине. Пули влетают в ствол автомата. Из травы поднимается черная рука. На коже одна за другой зарастают красные раны. Человек дергается и садится возле обочины. Он резко опирается на боевика и встает на обе ноги. Повстанец отдает вещи и возвращается к остальной группе. Такое можно увидеть только на телевизионном оборудовании после нажатия кнопки «rew», можно даже ускорить изображение, и мародер еще быстрее поднимется из травы, а боевик в феске резко отпрыгнет в сторону толпы таких же,

как он, людей с автоматами Калашникова. Но реальность – это движущаяся только в одном направлении запись. Ее ни переделать, ни переписать, ни отмотать.

– Едем в кафе, – сказал наш водитель Патрис. Он тоже видел всю эту сцену и был напуган. Отъезжая от места, где был расстрелян подозреваемый в мародерстве, я краем глаза заметил, что в толпе боевиков появился Туо Фози. Он был вне себя от ярости. Размахивая пистолетом, он подскочил к человеку в красной феске. Что произошло дальше, я не знаю, Патрис давил на газ что было сил. Вскоре мы оказались возле единственной работавшей в городе гостиницы. Ее открыли специально для журналистов. В небольшой постройке было всего несколько номеров, и съемочным группам приходилось жить по несколько человек в одном номере. Мы, например, с водителем и оператором спали на одной кровати.

Подъехав к гостинице, Патрис выскочил из машины и забарабанил по металлическим жалюзи, закрывавшим вход в кафе напротив. Здесь мы обедали. У Патриса в кафе был поклонник. Вернее поклонница. Официантка с милым лицом и увесистой кормой, что несколько затрудняло ее передвижение между столиками и давало повод острым на язык журналистам называть ее не иначе как «Скоростная Мари». На этот раз она действовала, вполне оправдывая это незлобное прозвище. Мари ловко подняла жалюзи, и Патрис, не дожидаясь, пока металлическая лента доползет до верха, пролез в образовавшийся просвет. Из-под ленты показалась черная

водительская рука с ключами от машины.

– Все, моя работа на этом закончилась, я останусь здесь до конца командировки.

Мне нечего было Патрису ответить. Он приехал сюда по заданию агентства по аренде автомобилей, и его собственная судьба была для него дороже хозяйской жестянки на колесах.

Небольшая улица, с одной стороны гостиница, с другой – кафе. Однообразные и в то же время симпатичные фасады невысоких домов, за которыми еще недавно неторопливо текла комфортная жизнь в колониальном стиле. А теперь война. Она все ближе подкатывалась к желтым и розовым фасадам и наконец дошла и сюда. В промежутке между домами мелькнул бронетранспортер, за ним вслед еще один, и я понял, что в город вошли правительственные войска. Пулеметчики на броне стреляли во все, что движется, и мы укрылись за ближайшей изгородью, скорее из соображений маскировки, чем из желания оказаться защищенными от выстрелов. Разумом мы понимали, что глиняные заборы не смогут задержать пули крупнокалиберного пулемета. Бронетранспортеры промчались по направлению центральной городской площади, и мы с оператором решили осмотреться. Мы вышли на ту улицу, по которой только что пронеслась правительственная бронетехника, и повернули в сторону центра. И тут, совсем рядом с нашим перекрестком, я заметил лежащего человека. Мы подошли поближе. Одетый в невероятно грязные обноски, небритый чернокожий лежал

на спине, неестественно подогнув колено одной ноги. В футболке на его груди была красная дыра, а из-под спины медленно текла кровавая струйка. Глаза неподвижно глядели в пространство перед собой.

– Слушай, – сказал Вадим, – это тот самый бомжеватый парень, который утром стрелял у меня сигареты. Все время крутился возле журналистов. Явно ненормальный попрошайка.

Я не знаю, почему лоялисты застрелили этого больного человека. Возможно, он бросился на бронетранспортер, а у страха, как известно, глаза велики. Солдат с оружием сначала стреляет, а потом думает. На всякий случай. Я положил ладонь на шею бедняги, чтобы проверить, не бьется ли пульс в вене, но под рукой была остывающая неподвижная плоть. И тут мне послышался вздох. Я отнял ладонь и посмотрел на лицо застреленного юродивого. Мышцы расслаблены, глаза широко раскрыты. Кровь все так же медленно и осторожно вытекает из большой красной раны.

– Ты что-нибудь слышал? – спрашиваю Вадима.

– Кажется, да, – взволнованно отвечает оператор.

Мы двинулись в сторону гостиницы. Я понимал, что человека нужно доставить в ближайший госпиталь, и для этого нужна достаточно большая машина, универсал или джип с просторным багажным отсеком и широким задним сиденьем. Такая была у съемочной группы Ройтерз. Я набрал телефон Маню, оператора Ройтерз.

– Послушай, Маню, тут человек ранен, его надо отвезти в госпиталь, сможешь мне помочь?

– Что нужно? – напряженно ответил Маню.

Эммануэль Браун, которого все коллеги называли не иначе как Маню, был легендой Африки. Пожалуй, ни одна война в западной части континента за последние десять лет не обошлась без его непосредственного участия. Его легко было узнать среди множества операторов, хотя бы из-за того, что любая камера на его плече казалась огромной. В общем, невысокого роста человек. И недюжинной смелости, судя по тем материалам, которые от него получало западноафриканское бюро Ройтерз. Я не сомневался, что Маню не откажет. Но он отказал.

– Машину я не дам, мне нужно снимать здесь, своей командой я рисковать тоже не хочу, это не наша работа – отвозить раненых.

Я слегка оторопел. Маню понял, что сказал совсем не то, что от него ожидали услышать, и заговорил более спокойно.

– Позвони в Красный Крест, в госпиталь, они обязаны прислать «скорую помощь». Пиши телефон.

И он продиктовал номер службы спасения. А время шло. Оно вытекало тонкой красной струйкой из черного тела.

– Алло, это госпиталь? – кричал я в динамик телефона.

– Да, это госпиталь. Что случилось?

– Здесь раненый! Заберите человека! – говорил я.

– Где вы находитесь? В каком районе?

Я назвал адрес нашей гостиницы.

– Побудьте на линии.

Время опять побежало ручейком долгих секунд.

– Вы еще слушаете? – вежливо переспросил голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.